

УДК 791.43

САЛТАНОВ С. С.

Пирамида возможностей: религиозные элементы в кинокартине «AVP: Alien vs. Predator»

s.saltanoff@gmail.com

Аннотация

Секуляризационные процессы изменили модус присутствия религии в художественном тексте. В рамках гиперсубъективистского подхода для определения роли и места религии в источнике нами предложены категории собственно-религиозного и специфически-религиозного. Категорию собственно-религиозного мы использовали для описания особого двухступенчатого инициатического ритуала, представленного в исследуемой картине.

Ключевые слова

секуляризация; художественный текст; гиперсубъективизм; собственно-религиозное; инициация

Pyramid of possibilities: religious elements in “AVP: Alien vs. Predator”

Saltanov S. S.

s.saltanoff@gmail.com

Summary

Religion turns its mode of presence in fiction text due to secularization processes. Hypersubjective approach to text analysis proposes substantial-religious and obviously-religious categories to define actual role of religion in investigated source. Substantial-religious category gives us an opportunity to demarcate two stages of the unique rite of passage, presented in the explored movie.

Key words

secularization; fiction text; hypersubjectivism; substantial-religious; rite of passage

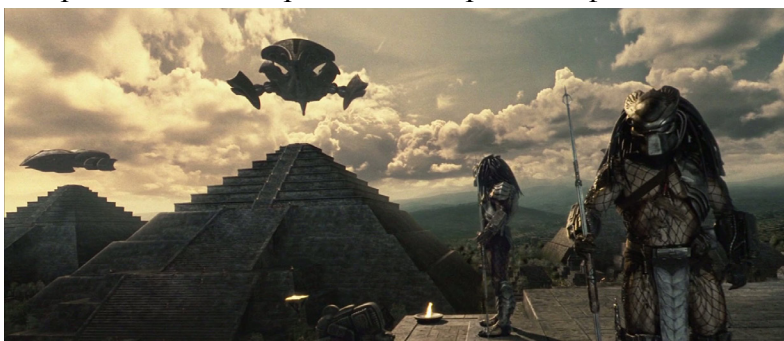
Одной из ключевых проблем современного религиоведения следует признать вопрос о секуляризации сознания. Ученые дискутируют о содержании данного понятия, актуальности секуляризационных процессов для общественного сознания в целом, их силе и даже направленности; выдвигаются теории десекуляризации,

ресекуляризации, пост-секулярного и т.д. Даже если абстрагироваться от этой полемики, невозможно не признать, что религия и религиозное в современном обществе играют иную, более опосредованную роль, нежели прежде, на более ранних стадиях развития культуры. В любом случае, не подлежит сомнению тот факт, что религиозные термины, символы, персонажи могут утрачивать те смыслы, которые им придает собственная религиозная традиция. Их значение может также трансформироваться или замещаться, а сами эти элементы могут быть включены в иные образные системы, не связанные напрямую со сферой религиозного или вовсе ей чуждые. Этот процесс затрагивает и художественное творчество: как авангардные формы искусства, задающие новые культурные стандарты (или претендующие на это), так и более традиционные жанры массовой культуры, успех которых (в первую очередь, разумеется, в финансовом измерении) напрямую зависит от точности соответствия чаяниям и желаниям массового же потребителя. Задача поиска, идентификации и осмысления роли и места подобных элементов в разных сферах бытования языка и текста стоит перед профессиональными религиоведами.

Для того чтобы корректно вычленять и анализировать данные элементы в художественном тексте, нами были предложены категории «специфически-религиозного» и «собственно-религиозного». В небольшой англоязычной работе «Художественный текст в гиперсубъективистском религиоведении» [“Fiction Text in HS Religious Studies”] эта проблематика была поднята нами впервые [1, с. 25–26], в дальнейшем в программной статье «Специфически-религиозное в прозе А. П. Чехова I периода» [“Obviously-Religious in Chekhov’s I period Short Prose ”] мы показали применимость этого метода к анализу художественного

текста [2, с. 70–85]. В категорию специфически-религиозного попадают те термины, персонажи, предметы, объекты, лексемы вообще, которые генетически коренятся в сфере религиозного, даже если они уже утратили свое непосредственное религиозное значение на момент создания произведения или для внешнего наблюдателя. Таким образом, в категорию специфически-религиозного попадают все объекты, которые в принципе могут относиться к сфере религиозного, это своего рода «максимум религии» в исследуемом тексте. В свою очередь, к категории собственно-религиозного относятся только те элементы, которые непосредственно отражают религиозность персонажей или даже автора (если произведение имеет хотя бы отчасти проповеднический, миссионерский или катехизический характер). Это позволяет говорить о собственно-религиозном как о «минимуме религии», бесспорном присутствии религии в тексте. Как правило, количество специфически-религиозных элементов в тексте равно или превосходит количество элементов собственно-религиозных. По их количественному и качественному соотношению можно судить о модусе присутствия религии в исследуемом тексте, а по степени количественного присутствия собственно-религиозных элементов — о том, в какой мере произведение посвящено религиозной проблематике. Рассматривая этот вопрос сквозь призму представлений о секуляризации (в разных ее аспектах), можно добавить еще несколько замечаний. Во-первых, доля художественных произведений с существенным собственно-религиозным субстратом в принципе невелика. Во-вторых, даже обилие специфически-религиозной лексики без привязки к собственно-религиозным моментам не означает актуальности религиозной проблематики для автора и конкретного произведения, напротив, это может свидетельствовать об утрате специфически-религиозными понятиями непосредственного религиозного смысла — т. е. как раз об их секуляризации. Промежуточным явлением здесь можно признать тексты сатирической направленности — антирелигиозной, антиклерикальной и т. п. В них религия как таковая играет ключевую роль, но центральный посыл направлен на ее дискредитацию — как раз в секуляризационном ключе. Наконец, секуляризационные процессы и реакция на них могут порождать новые формы религиозности или квази-религиозности. В частности, использование создателями художественных произведений религиозной символики и лексики может не предполагать в них непосредственного религиозного значения, а вчитывание в них религиозных (а точнее, собственно-религиозных) смыслов осуществляется уже реципиентом, потребителем.

Мы обратили внимание на кинокартину «Чужой против Хищника» [“AVP: Alien vs. Predator”], вышедшую на экраны в 2004 году. Небезынтересна история ее создания в сюжетном отношении: она объединяет героев двух параллельных циклов фильмов (а также комиксов и видеоигр) о двух расах (мы употребляем этот термин в значении, привычном по фантастической литературе и игровым реальностям) инопланетных существ — Чужих [Aliens] и Хищников [Predators], впоследствии сведенных в одну фантастическую вселенную. Однако, следуя принципам гиперсубъективистского исследования, мы постараемся ограничиться содержанием выбранного фильма.

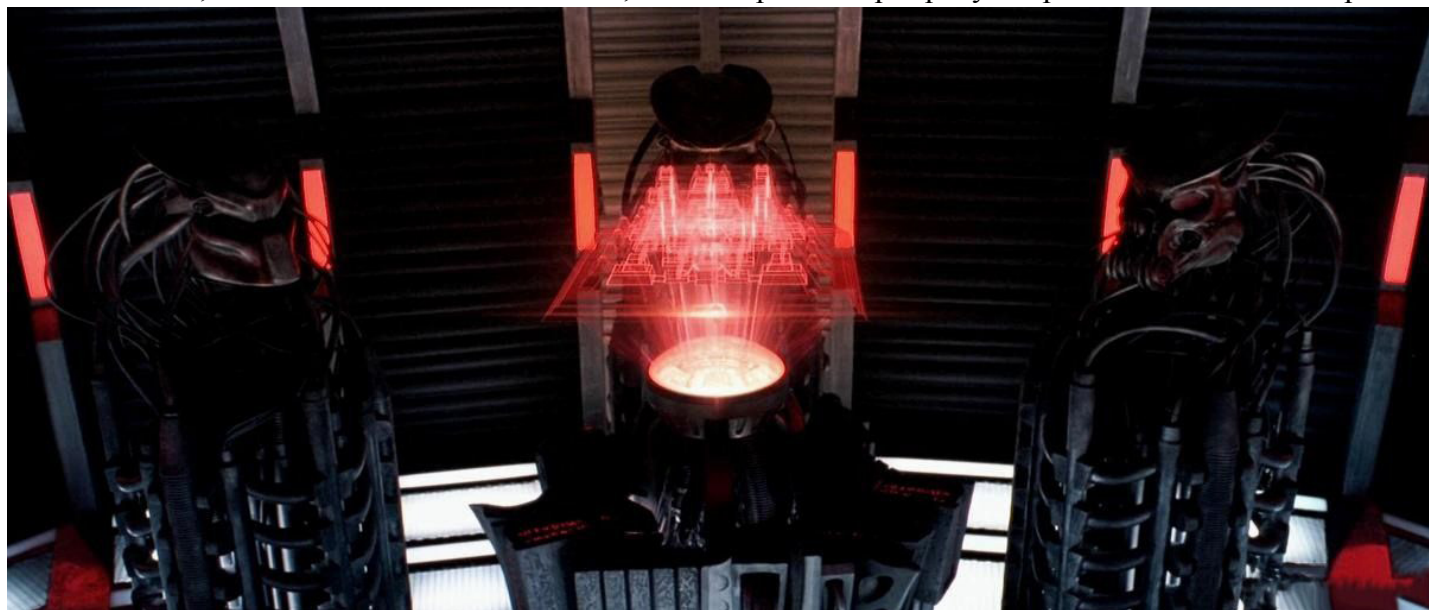
Обратимся к сюжету картины. На одном из антарктических островов спутник фиксирует тепловое излучение, источник которого находится на большой глубине. Объект оказывается гигантским зданием-пирамидой, несущей в себе архитектурные черты, присущие ряду известных цивилизаций, непосредственный источник излучения выявить не удастся. Для исследования аномалии формируется сводная

группа. Прибыв на место — китобойный поселок, располагающийся над пирамидой, внезапно обезлюдел ровно за 100 лет до описываемых событий — исследователи сталкиваются с очевидно чуждой технологией: идеально ровным шурфом, ведущим к пирамиде. Вот как характеризует это явление бригадир бурильщиков на отметке 00.21.12 (хронометраж картины здесь и далее дается по версии Theatrical Cut): «В мире еще не существует оборудования, которое прошло бы на такую глубину за 24 часа» [“There’s no team and no machine in the world, that could cut to this depth in 24 hours”]. Любопытно, что герои живут в «альтернативном 2004 году» и не знакомы с кинофильмами и иной продукцией, посвященной Чужим и Хищникам, не могут опознать их самих и их атрибуты, не знают методов противодействия им и т. п. Воспользовавшись шурфом, исследователи добираются до пирамиды, которая действительно представляет собой храмовый комплекс. Тепловой сигнал, в свою очередь, оказывается ловушкой, призванной в нужное время заманить

людей, необходимых для корректного проведения ритуала, внутрь пирамиды. Это обстоятельство становится фатальным: обе составляющие двойственного ритуала запускаются без должной координации, участники оказываются не подготовлены к его содержанию (люди) и таймингу (Хищники), в результате последствия оказываются непредсказуемыми для обеих вовлеченных в процесс разумных рас; Чужих и их мотивации здесь можно смело вынести за скобки.

В рамках религиоведческого исследования нас интересует в первую очередь именно ритуал, и начнем мы его рассмотрение с той фазы, в которой непосредственно участвуют люди. Впервые увидев пирамиду на отметке 00.26.57, уже начиная с 00.29.51 археологи приступают к дешифровке настенных текстов, еще не догадываясь о том, что помимо людей в ритуале участвуют и другие существа. Здесь появляется мотив избранности — «Только избранные могут войти» [“Only the chosen ones may enter”] (00.30.25). Таким образом, входящие присваивают себе статус избранных и подспудно дают согласие на участие в ритуале, даже если не понимают его сути. Рассматривая этот вопрос в фаталистической парадигме, мы можем сделать вывод, что само присутствие в пирамиде в урочное время — уже свидетельство избранности, знак судьбы. Так или иначе, ознакомившись с правилом и осознанно презрев его, люди включились в калейдоскоп дальнейших событий.

На отметке 00.32.59 команда входит в зал жертвоприношений [“sacrificial chamber”], как атрибутируют его археологи. Надо отметить, что английский термин sacrifice в этом отношении оказывается более точным, поскольку включает аспект самопожертвования, в то время как русский язык предполагает в жертвоприношении разделение объекта и субъекта жертвования. В данном случае речь идет именно о добровольном самопожертвовании, специально отмечается, что люди, чьи останки мы видим на жертвенных столах, никак не зафиксированы. После предыдущей церемонии останки не были должным образом препарированы и развешены на стенах, что, судя по оформлению стен жертвенной камеры, обязательно; из этого можно сделать вывод, что и в прошлый раз ритуал прошел не должным образом.

Можно предположить, что в прежние времена этим занимались жрецы или обслуживающий персонал храма из числа людей и/или Хищников, вероятнее первое, хотя из фильмов о Хищниках нам известно, что такое отделение черепа с хребтом характерно для их культуры. Но в предыдущий раз жертвами (вероятно, вновь в результате обмана) стали все жители поселка китобоев, поэтому по крайней мере люди эту работу выполнить не смогли. Наконец, отметим, что после обнаружения еще одного помещения на уровень ниже, часть группы остается в зале жертвоприношений, что может трактоваться как добровольное согласие на жертву, хотя в данном случае это стало следствием прямого приказа. Тем не менее, в результате неосознанных, необязательных, но судьбоносных действий необходимые условия для жертвоприношения были созданы.

Основная часть группы обнаруживает в помещении под залом жертвоприношений «саркофаг» (хотя правильнее было бы назвать его контейнером) с кодовым замком-календарем. При выставлении на нем правильной даты он открывается, внутри находится особое оружие, необходимое для прохождения обряда инициации охотника. Обращает на себя внимание троичная иерархическая структура хранилища: при единстве внутреннего пространства внешне оно разделено на три секции, замок состоит из трех

элементов (дни-месяцы-годы), оружие различается по размеру. Хищников, прибывших на испытание, также трое, и, судя по их обмундированию, они организованы иерархически. Именно извлечение оружия (на отметке 00.40.23) переводит ритуал в активную фазу — и то, что его извлекают люди (т.е. жертвы) уже девальвирует ритуал. Это меняет стратегию Хищников, которых явно готовили к формализованному действию, если следовать теории инициации. Некорректность следования правилам подтверждается и тем фактом, что в камере жертвоприношений осталось 6 человек, хотя ложа заготовлены для 7 жертв и количество яиц также равно семи (хорошо видно, например, на отметке 00.41.31). Тем не менее, механизм (в том числе, и в буквальном смысле) запущен и охота начинается. Правда, вместо двух фаз (жертвоприношение + охота) и двух сторон (Чужие и Хищники) мы наблюдаем три стороны конфликта (+ люди) с фактически единственной задачей — выбраться живыми из пирамиды. Для Хищников актуальна также задача получения или возвращения оружия, с другой стороны, только они могут не допустить победы прочих участников, запустив процесс самоуничтожения.

В конечном итоге исследователи все же узнают о подлинной сути ритуала и его двуступенчатости. Неудивительно, что это открытие делает наиболее компетентный из них — профессор археологии. Он определяет происходящее со стороны хищников как обряд перехода [rite of passage] (01.00.44, начало сегмента на отметке 01.00.35), характерно, что используется галлицизм, а не термин initiation. Следом, начиная с 01.01.12, раскрывается содержание инициатического ритуала, а также история появления Хищников на Земле в формате *mise en abyme* — визуализированный перевод профессором иероглифических текстов, высеченных на различных поверхностях пирамиды. К сожалению, числовые аспекты (троичные, семеричные) остаются непроясненными. Но, во-первых, очевидной становится связь двух аспектов ритуала, во-вторых, дается ответ на вопрос, почему прежние культуры строителей пирамид пришли в упадок — в урочный час охотники проиграли. Вероятно, представленная в картине пирамида — последний подобный объект на Земле, и как минимум два последних цикла прошли без участия последователей культа из числа людей, т.е. культ постепенно вырождается. Наконец, крайне важно, что в отношении Хищников произносится слово «боги» — «Они научили людей искусству строительства и те поклонялись им как богам» [“They taught humans how to build and were worshiped as gods”] (01.01.25). Первая часть фразы дает основание представить Хищников культурными героями, но эта гипотеза не находит подтверждения. Их цели прагматичны или, если угодно, эгоистичны. Научение строительству, о котором речь идет выше, едва ли выходит за рамки возведения пирамид. В случае поражения охотников цивилизация немедленно уничтожалась — причем это своего рода побочный эффект. Вероятно, на заре становления культа власть Хищников над людьми основывалась исключительно на устрашении и принуждении и лишь позднее была сакрализована. В любом случае, роль людей в исследуемом тексте отличается от той роли, которую заготовили им Хищники, а нам следует поблагодарить авторов за столь подробное описание неизвестного нам ритуала.

Тема оружия в инициатическом процессе становится ключевой, демаркирующей. Так, небезынтересно сравнить оснащение Чужих и Хищников. Первые, явно животные, используют естественное вооружение: когти, внутреннюю челюсть, хвост, даже едкую кровь. В противовес им Хищники полагаются на рукотворные технические средства: стелс-технологии, инфракрасные датчики, сдавливающую сеть, пушки (добывание которых составляет содержание ритуала), даже портативные ядерные заряды. С другой стороны, на протяжении всего ритуала Хищниками параллельно используется и менее технологичное оружие: метательные копья, сюрикены, клинковые лезвия, овладение которыми определенно играет важную роль в ритуальном обучении подрастающих бойцов.

Если охотничий ритуал состоит в проверке умений владением оружием, кажется странным, что со стороны людей проходит его герой, до того осознанно от оружия дистанцировавшийся — Лекс, проводник. Так, на отметке 00.14.40 она произносит «За семь лет во льдах не видела, чтобы оружие спасло жизнь» [“Seven seasons on the ice and I’ve never seen a gun save someone’s life”], а позже (00.42.34) — «И оружие мало что изменит» [“And that gun doesn’t change anything”]. Статус «не-воина» с одной стороны, защищает ее от приоритетных посягательств Хищников, а с другой — подчеркивает «неправильность» всего ритуала. Участие Лекс в охоте — случайно, она хватает брошенное копьё и успешно применяет его против бросившегося на нее Чужого (01.09.44). Убийство Чужого делает ее участником охоты, хотя и не полноправным. Важно признание этого Хищником — он соглашается (хотя и не сразу) взять Лекс с собой и даже мастерит для нее оружие, имитацию своего копья (а не, скажем, отдает что-то из своего арсенала). Впоследствии он ставит на ней кислотную метку (01.21.16), но не на лбу, как себе,

а на щеке — этим подчеркивается ее промежуточный статус. Критическое расхождение с нормальным ритуалом продолжается и далее: рядовые Чужие освобождают матку, Хищник инициирует ядерный взрыв, уничтожающий пирамиду — в норме это должно быть сделано только перед гибелью испытуемого, чтобы предотвратить победу Чужих. При этом матка все же прорывается на поверхность, где ее удается совместными усилиями с решающим вкладом Лекс сбросить в океан (смерть матки не подтверждается), а последний из оставшихся в живых охотников оказывается смертельно ранен и, как выясняется позже, заражен. После этих событий Хищники, наблюдающие за ритуалом, сбрасывают маскировку, их старейшина вручает Лекс свое копьё-трезубец, визуально отличающийся от обычного копья — возможно, награда за убийство матки. При этом Лекс не получает пушку, награду прошедшему ритуалу — впрочем, пушка действительна только в комплекте с обмундированием Хищников. Хищники отбывают с планеты; вероятно, разрушена последняя из их пирамид, Земля более не подходит для проведения испытаний. Дальнейшая судьба Лекс остается неизвестной.

Представленная картина в полной мере посвящена уникальному, двойственному ритуалу, в котором добровольное жертвоприношение людей оказывается не самоценным действием религиозного характера, а лишь подготовкой для инициатической практики второго уровня. К моменту описываемых событий культовая практика среди людей забыта, привлекать их к участию приходится обманным путем, следствием чего становится окончательная девальвация и деформация обеих уровней (и обеих фаз) ритуала, причем ключевым вопросом для нас становится возможность перехода между этими двумя уровнями. Инициация подобного не предусматривает, поэтому случайное участие и столь же случайный успех человека в обряде Хищников не ведет к полноценному признанию — наградой становится не принятие в сообщество взрослых, полноправных охотников, а лишь ритуальный шрам-метка за убийство Чужого (причем неординарно расположенный) и высокоранговое, но иррелевантное оружие. Тем самым маркируется только доблесть, а не переход на иной социальный уровень и в новое сакральное качество.

Мы сосредоточились на выявлении собственно-религиозных элементов в данной картине, но необходимо заметить, что присутствие специфически-религиозной лексики в фильме незначительно. Тем не менее, помимо собственно описаний ритуалов (важно распознавание их специалистами как жертвоприношение с одной стороны и инициатическую практику с другой), принципиально маркирование Хищников как «богов» [“gods”], которым поклоняются [“worshiped”] люди. Для сравнения, междометное выражение «О, Боже!» [“Oh, my God!”] встречается лишь единожды (00.38.48). Это становится свидетельством того, что религия в данной картине играет исключительно собственную роль, не теряя своего значения даже в тех случаях, когда люди участвуют в ритуале против своей воли, не понимают его сути и не разделяют его ценностных оснований.

Литература

1. Салтанов С. Fiction Text in HS Religious Studies // VIII Круглый Стол Московского Религиоведческого Общества. Тезисы докладов. М.: Мелихово. С. 25–26
2. Салтанов С. Специфически-религиозное в прозе А. П. Чехова I периода // Молодые исследователи Чехова. Вып. 6. М.: МГУ, 2009. С. 70–85.

Фильмография

1. Хищник / Predator (1987, реж. Дж. МакТирнан, США), игр
2. Чужой против Хищника / AVP: Alien vs. Predator (2004, реж. П.В.С. Андерсон, США), игр.

REFERENCES

1. Saltanov S. Fiction Text in HS Religious Studies // VIII Round Table of the Moscow Religious Society. The-sis of reports. M.: Melikhovo. P. 25-26
2. Saltanov S. a Specifically religious in the prose of A. P. Chekhov's I period of // Young researchers of Chek-hov. Issue. 6. M.: Moscow state University, 2009. P. 70-85.